

Д. И. Михайлов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ СДЕЛКОСПОСОБНОСТИ

В статье проводится сравнительный анализ правовых последствий совершения руководителем сделки с неопределенным финансовым результатом с целью предотвращения неплатежеспособности возглавляемой им коммерческой организации и бездействия руководителя в преддверии экономической несостоятельности. Значительное внимание уделяется системному толкованию ряда гражданско-правовых норм, регулирующих деликтные отношения с участием руководителя экономически несостоятельной организации.

The article presents a comparative analysis of the legal consequences of the commission of the head of a deal with uncertain financial results in order to prevent the insolvency of a commercial organization led by him and the head of inactivity in anticipation of economic insolvency. Considerable attention is paid to the systematic interpretation of a number of civil law governing tort relationship with the head of economically insolvent organizations.

Сделка, условия которой предполагают значительный риск возникновения (усиления) неплатежеспособности, может являться и одним из инструментов предотвращения экономической несостоятельности. Следствием материализации такого риска может стать не избежание, а увеличение количественной (стоимостной) составляющей неплатежеспособности, а также ускорение наступления устойчивой неплатежеспособности по времени.

В соответствии с ч. 3 ст. 52 Гражданского кодекса Республики Бе-

ларусь (далее – ГК) субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника наступает вследствие действий или бездействия лиц, правомочных давать обязательные указания для организации-должника.

При этом правило ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК в действующей редакции не позволяет определить допустимую для исключения субсидиарной ответственности руководителя организации степень риска по сделке с неопределенным финансовым результатом, направленной на предотвращение устойчивой неплатежеспособности. Вследствие этого снижается мотивация руководителя на поиск и реализацию всех возможных путей предотвращения экономической несостоятельности.

Целью данной работы является анализ содержания правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК с точки зрения квалификации сделки, направленной на предотвращение экономической несостоятельности и повлекшей противоположный результат.

Действующие постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 г. № 11 «О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности» (далее – постановление № 11) и Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 ноября 2011 г. № 56 «Об ответственности субсидиарных должников» (далее – постановление № 56), содержащие официальное толкование правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК, констатируют возможность возложения субсидиарной ответственности как за действия, так и за бездействие, вызвавшие экономическую несостоятельность [1; 2]. Вместе с тем в данных актах делается акцент на возникновении экономической несостоятельности вследствие реализации руководителем организации его прав в отношении данной организации [1]. При этом бездействие руководителя юридического лица значительно сложнее квалифицировать как реализацию (использование) руководителем организации его прав.

Исходя из одного из требований гражданского законодательства к исполнению обязательств – заботливости и осмотрительности (ч. 2 п. 1 ст. 372 ГК) возникновение значительной угрозы устойчивой неплатежеспособности вследствие сделки, совершенной ради устранения минимального риска наступления соответствующей неплатежеспособности, сложно рассматривать как результат разумного и осмотрительного действия. При этом отсутствие у руководителя организации иных способов предотвращения наступления экономической несостоятельности существенного значения иметь не будет. Справедливость этого утверждения основывается не только на различной степени вероятности материализации рисков, связан-

ных с совершением сделки и имеющих место в отсутствие таковой. С формальной точки зрения, до совершения данной сделки устойчивая неплатежеспособность еще не наступила, а причиной ее возникновения стала именно конкретная сделка. При этом другие причины, в результате которых неплатежеспособность могла бы наступить и в отсутствие указанной сделки, не имеют значения, так как в данной ситуации неплатежеспособность возникла не в силу этих причин (рисков), а в результате сделки, направленной на устранение рисков.

Например, в постановлении апелляционной инстанции хозяйственного суда города Минска от 16 августа 2012 г. в качестве причин возникновения экономической несостоятельности ООО «Б» обозначено заключение:

- договора аренды здания, которое требовало дорогостоящей реконструкции. Заключение такого обременительного договора значительно повышало риск возникновения неплатежеспособности;

- договора займа с правом залога на досрочное востребование суммы долга и процентов. Эта сделка существенно увеличивала риск устойчивой неплатежеспособности, так как при досрочном востребовании суммы долга и процентов ООО «Б» не могло их выплатить ввиду неосуществления предпринимательской деятельности (оказание медицинских услуг) до завершения реконструкции арендованного здания, а также отсутствия достаточных оборотных средств. Тем же постановлением было оставлено в силе решение суда первой инстанции о возложении субсидиарной ответственности на директора ООО «Б» на основании ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК [3]. Вместе с тем из текста указанного постановления не усматривается, имелись ли иные способы продолжения предпринимательской деятельности ООО «Б», помимо заключения обременительного договора аренды здания. Напротив, прослеживается вынужденный характер заключения этого договора в связи с расторжением прежнего договора аренды по требованию арендодателя.

Таким образом, можно констатировать существенное влияние отрицательного результата сделки, совершенной в целях предотвращения экономической несостоятельности, на применение правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК Беларуси. В связи с этим следует заключить, что данное правило стимулирует как руководителей коммерческих организаций, так и их участников (инвесторов) прекращать предпринимательскую деятельность при наличии значительного риска возникновения устойчивой неплатежеспособности, а не пытаться устранять такие риски посредством не менее рискованных действий, в том числе сделок, ко-

торые могут усилить неплатежеспособность. Однако практическая возможность прекращения предпринимательской деятельности без возникновения устойчивой неплатежеспособности присутствует далеко не всегда. Поэтому руководитель коммерческой организации может оказаться перед выбором между совершением рискованной сделки и бездействием, имеющим цель отсрочить наступление устойчивой неплатежеспособности, исходя из предположения о возникновении в будущем иных возможностей предотвратить неплатежеспособность. При осуществлении такого выбора норма ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК стимулирует руководителя организации к бездействию как альтернативе рискованной сделке, что обусловлено рядом причин.

Одна из них – отраслевая принадлежность субинституты уставного представительства и субсидиарной ответственности. Нормы о субсидиарной ответственности, в том числе о ее возникновении у лиц, вызвавших экономическую несостоятельность коммерческой организации, входят в состав обязательственного права (подотрасли гражданского права). Неслучайно суды квалифицируют отношения уставного представительства, складывающиеся между коммерческой организацией и ее руководителем, как обязательственные правоотношения, выводя их за рамки трудовых отношений, в которых руководитель организации выступает в качестве работника [4].

Правило ст. 290 ГК обязывает исполнять обязательства в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями при отсутствии конкретных, установленных законом или договором. Такие обычные требования к исполнению обязательства во многом основаны на презумпции добросовестности и разумности. Разумность представляет собой оценочную категорию. Одним из распространенных вариантов ее толкования применительно к сделке, которая с равной степенью вероятности может как предотвратить неплатежеспособность, так и ускорить ее возникновение (увеличить ее), является отрицание проявления разумности при совершении данной сделки. С точки зрения разумности, любая отсрочка всегда воспринимается как позитивная мера, а любое чрезмерно рискованное действие, напротив, как мера негативная.

В ряде случаев суды справедливо стремятся избежать толкования категории разумности ввиду сложности ее оценки, во многом основанной на неоднозначных философских категориях. В таких случаях суды обосновывают возложение субсидиарной ответственности на руководителей экономически несостоятельных организаций ссылаясь на норму ч. 2 п. 1 ст. 372 ГК, в силу которой лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям гражданского оборота,

оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства [3].

Доводом в пользу наличия вины в качестве обязательного условия возложения субсидиарной ответственности, может служить отсутствие в рассматриваемых нормах прямых оговорок о безвиновной ответственности руководителя организации, вызвавшего ее несостоятельность. Доводами же в пользу безвиновной субсидиарной ответственности руководителя могут являться: а) отсутствие в ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК упоминания вины в качестве условия наступления такой ответственности; б) то обстоятельство, что возникновение неплатежеспособности, как правило, имеет место по денежным обязательствам в сфере предпринимательства.

Вместе с тем оценка действий (бездействия) руководителя с позиции категорий заботливости и осмотрительности возможна независимо от необходимости установления вины руководителя в наступлении экономической несостоятельности возглавляемой им организации.

«Добросовестность» и «разумность» являются оценочными категориями, критерии оценки которых не установлены нормами гражданского законодательства, представляется обоснованным уточнение данных категорий. Такое уточнение можно реализовать, используя более конкретные понятия, содержащиеся в соответствующих нормах, опираясь на общепризнанную рекомендацию определять смысл добросовестности и разумности с учетом конкретной ситуации [4, с. 52]. При этом в обязательственном праве разумность предполагает осмотрительность.

Другой причиной стимулирования бездействия как альтернативы сделке с повышенным риском является обязанность руководителя организации действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, чьи интересы он представляет. Данная обязанность вытекает не только из принципов исполнения обязательств (ст. 290 ГК), но также из нормы п. 3 ст. 49 ГК, касающейся реализации дееспособности организации. С учетом наличия в гражданском законодательстве Республики Беларусь такой нормы руководителем организации, с позиции избежания субсидиарной ответственности, приоритет будет отдан с большей вероятностью бездействию, нежели совершению сделки с повышенным риском. Само существование такой нормы обеспечивает возможность оценки действий руководителя организации не как должника в абстрактном обязательстве, а как субъекта, обязанного действовать добросовестно и разумно именно при реализации полномочий уставного представителя. Учитывая специфику правоотношений представительства в целом и уставного представительства в частности, можно констатировать более высокую значимость категории добросовестности по сравнению с категорией разум-

ности. Разумность действий представителя во многом ограничивается границами его полномочий, а добросовестность представителя не ограничивается ничем. При этом многие ученые, в том числе Г. А. Гаджиев, А. А. Чукуреев, Н. Л. Бондаренко, рассматривают добросовестность как разумное ограничение действия в своем интересе ради соблюдения интересов других граждан, организаций, общества и государства [5, с. 58; 6, с. 103; 7, с. 148–149].

Сделка с повышенным риском возникновения (усиления) неплатежеспособности в ряде аспектов противоречит общепризнанному смыслу категории добросовестности в большей степени, чем осмотрительное бездействие. Во-первых, такая сделка создает риск ущемления интересов не только самой организации-должника, но и контрагента данной организации по этой сделке, особенно в случае, если обязательство должника по сделке является денежным. Во-вторых, рассматриваемая сделка создает риск ущемления интересов участников организации-должника, которые, возможно, смогли бы предотвратить экономическую несостоятельность посредством предоставления финансовой помощи или введения в действие плана досудебного оздоровления. В-третьих, рискованная нерезультативная сделка может поставить под угрозу интересы уже имеющихся кредиторов организации-должника в случае, если возникшее денежное обязательство должника создает риск увеличения его неплатежеспособности.

Буквальное толкование правила ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК не позволяет констатировать причинно-следственную связь между бездействием руководителя организации и возникновением ее неплатежеспособности, если единственной возможностью избежать неплатежеспособности являлось совершение сделки с чрезмерным риском ускорения и (или) увеличения неплатежеспособности. Например, при рассмотрении дела дело № 89-5/2007/964К несколькими судебными инстанциями справедливо не была усмотрена причинно-следственная связь между экономической несостоятельностью СООО «А» и бездействием его директора, выразившемся в отказе от исполнения вновь заключенных договоров аренды производственных площадей по причине временного возобновления энергоснабжения со стороны прежнего арендодателя и абонента [8]. При этом причиной возникновения несостоятельности СООО «А», исходя из материалов указанного дела, явилось неоднократное приостановление энергоснабжения СООО «А» со стороны прежнего арендодателя производственных площадей [8].

Таким образом, причинно-следственная связь между бездействием и экономической несостоятельностью может иметь место в том слу-

чае, если такую несостоятельность можно было бы предотвратить с помощью менее рискованных действий. Исходя из буквального прочтения нормы ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК можно заключить, что экономическая несостоятельность (банкротство) должника может быть вызвана бездействием его руководителя лишь в двух случаях:

- в случае угрозы экономической несостоятельности, возникшей по причине, не зависящей от воли руководителя, и при наличии возможности совершения таких действий (сделок), которые могут рассматриваться в качестве своеобразной гарантии если не предотвращения неплатежеспособности, то во всяком случае избежания ее ускорения или увеличения;

- в случае угрозы экономической несостоятельности, возникшей по причине, которая зависела от воли руководителя и находилась под его контролем.

Рассмотренная регламентация субсидиарной ответственности руководителя экономически несостоятельного должника, по мнению автора, не может считаться позитивной, ибо обусловленная ею мотивация руководителя юридического лица на бездействие с целью избежать излишнего риска не способствует преодолению кризисных ситуаций при осуществлении предпринимательской деятельности.

Заключение

Эффективное разрешение данной правовой проблемы возможно только посредством реализации системного и дифференцированного подхода к совершенствованию рассмотренных правовых норм. Такой подход может быть основан на реализации нескольких взаимодополняющих направлений:

- конкретизация категорий добросовестности и разумности применительно к правоотношениям уставного представительства, которую можно осуществить посредством закрепления в п. 3 ст. 49 ГК одного или нескольких критериев установления добросовестного и разумного поведения исходя из целей деятельности юридических лиц;

- разработка правовых норм, определяющих специальную компетенцию руководителя организации в период возникновения неплатежеспособности в отсутствие решения о проведении досудебного оздоровления;

- разработка и закрепление на нормативном уровне критериев допустимости предотвращения экономической несостоятельности посредством совершения сделок, которые могут повлечь противоположный результат (в основу таких критериев должно быть положено правило приемлемого соотношения рисков) и критериев допустимости непринятия мер по предотвращению экономической несостоя-

тельности в случае неприемлемого соотношения вероятности ее предотвращения и риска усиления неплатежеспособности.

Список использованных источников

1. О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 г. № 11 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об ответственности субсидиарных должников: постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 ноября 2011 г. № 56 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Постановление апелляционной инстанции хозяйственного суда города Минска от 16 августа 2012 г. (дело № 110-13/2012/539а) / Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Гражданское право: учеб.: в 2 ч. / Н. Д. Егоров [и др.]; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – 632 с.

5. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления гражданскими правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.

6. Чукреев, А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права / А. А. Чукреев // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 100–104.

7. Бондаренко, Н. Л. Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 145–149.

8. Постановление кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 8 октября 2007 г. (дело N 89-5/2007/964К) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ